

разрывы бомб, поднимались столбы черного дыма. Рядом со мной бежали солдаты. «Неужели я остался один?» – подумал и тут же увидел солдата из своей батареи Ивана Каинова, майского набора, родом из Куйбышевской области. Фамилия у него была редкая и легко запоминалась. Дальше вдоль реки Удай мы бежали вместе, ища переправу или брод. Вдруг открылась полянка со скошенным сеном. Солдаты раздевались и бросались вплавь через реку. Здесь она была не более двадцати метров, но довольно глубокая. Я тут же подобрал кем-то брошенную плащ-палатку, завернул в нее охапку сена, связав углы «конвертом», сложил всю свою одежду, сапоги и шинель на этот «поплавок», привязал к углу поплавка бинт от индивидуального пакета, которым перевязывал руку. Я сказал Ивану, что отвезу вещи и вернусь за ним. Боли в руке я уже не чувствовал, кровь перестала идти, но грести мог только левой рукой, конец бинта держал в зубах.

Плавал я хорошо, но вода была очень холодная – ведь была середина сентября. Я вылез на берег, чтобы отдохнуть и увидел, что Иван не стал меня ждать. Он собрал тюк сена побольше, связал его своими обмотками (сапог им еще не выдали) и поплыл вслед за мной. На середине реки тюк накренился – сено было влажное, и ботинки Ивана, а за ними и шинель стали погружаться в воду. Я бросился в воду, доплыл до середины и стал нырять, пытаясь ногами поймать хоть что-нибудь из его вещей.

Усталость и холод сковали тело. Я повернулся на спину и, едва шевеля ногами, подплыл к берегу. Иван сидел на корточках и дрожал. Я прикрыл его своей шинелью и стал одеваться сам. Надо было что-то делать. Солдаты по двое, по трое переправлялись поблизости. Двое, недалеко от нас, сложили на берегу одежду и голыми поплыли обратно. Тут я подумал вслух, что у них, видно, лишняя одежда. Иван меня понял, моментально сбросил шинель,